

Плюснин Ю.М.



**СОЦИАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА**

Плюснин Ю.М.

**СОЦИАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА**

Москва, 2022

Книга выпущена при финансовой поддержке фонда «Хамовники»

*Позиция автора является независимой и может
не совпадать с позицией фонда и его учредителя*

Ответственный редактор:

С. Г. Кордонский, ординарный профессор, заведующий кафедрой местного самоуправления, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Рецензенты:

В. И. Ильин, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации, исторический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Д. М. Рогозин, кандидат социологических наук, заведующий лабораторией методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования, РАНХиГС, Москва

Плюснин Ю.М.

П 40

Социальная структура провинциального общества. — М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-6046947-6-3

В монографии приведено эмпирическое описание структуры российского провинциального общества на локальном уровне. На основе феноменологических критериев осуществлена типология местных обществ. Социальная структура описана в аспектах территориальной, социально-экономической, социально-профессиональной, родственно-соседской, статусной и локальной социально-политической структуры каждого из установленных типов местных обществ. Представленные результаты основываются на полевых исследованиях автора и охватывают период с 1980-х по 2020-е годы.

Книга адресована социологам, экономистам, политологам. Может быть использована в качестве дополнительного источника при обучении студентов высших учебных заведений по специальностям «социология», «политология», «экономика», «государственное и муниципальное управление».

ВВЕДЕНИЕ

РОССИЙСКОЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО СТРУКТУРА

Говоря о социальной структуре, я имею в виду дифференцирующие признаки, отличные от обычно рассматриваемых. Это не социально-демографическая или социально-профессиональная структура общества, и не структура на основе доходной стратификации домохозяйств, дифференциации населения по размерам располагаемого капитала, и не структура брачно-родственных отношений, и не сословная или классовая (по объёму контролируемых ресурсов) структура. С моей точки зрения, эмпирическое описание любого локального сообщества требует фиксировать совокупность отношений между людьми (семьями, домохозяйствами, профессиональными и прочими группами), каковая выстраивается на трёх основаниях: обитании, бытовании и хозяйствовании. Соответственно таким основаниям создаётся социальная структура местного общества, представленная тремя основными компонентами: территориальным, социально-экономическим и собственно социальным (последний компонент составлен из нескольких). Любое локальное сообщество имеет физическую репрезентацию в обитаемом пространстве и, следовательно, формирует свою территориальную структуру. Сообщество также описывается совокупной активностью людей, объединённых в домохозяйства, с целью непосредственного жизнеобеспечения, что и составляет его социально-экономическую (хозяйственную) структуру. Оно же описывается совокупностью отношений, результатом которых является воспроизводство самого сообщества через воспроизводство его базовых институтов (бытование), что и составляет собственно социальную структуру сообщества. Каждый компонент локальной социальной структуры описывается мной по отдельности. В совокупности

ВВЕДЕНИЕ

получается некое феноменологическое обобщение. Таким образом, я предлагаю читателям эмпирическое описание трёхкомпонентной структуры российских провинциальных местных обществ, представленное, однако, не в этнографическом формате, а в формате типологического описания.

Я посвящаю отдельные параграфы для определения концептов «провинциальное общество» и «местное общество». Если в первом случае дефиниция носит лишь общий характер, то во втором случае осуществлён компонентный и структурный анализ концепта «местное общество»¹. Я попытался показать, что любое местное общество должно рассматриваться в социально-территориальном и пространственно-организационном аспектах. Первое заключается в утверждении, что любое местное общество представлено на территории в форме общин — отдельных относительно автономных ассоциаций, выстраиваемых на основе родственно-соседских и хозяйственно-кооперативных связей. Второе заключается в утверждении, что любое местное общество состоит из центра и периферии — административного центра (городка) и его сельской округи, их композиция создаёт территориальную структуру. Тривиальность каждого из этих утверждений по отдельности преодолевается содержательным анализом концептов «множественная общинная организация», «центр — периферия» и их суперпозиции.

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ

Исходно, в период интенсивного сбора эмпирического материала, и вплоть до последнего времени описание социальной структуры в качестве цели исследований понималось мною до-

¹ Далее в тексте я использую термины «местное общество», «сообщество», «локальное сообщество» или «локальное общество» как синонимы, тем самым отделяя их от термина «провинциальное общество». Различия в употреблении терминов «местное общество» и «община» обсуждаются специально.

статочно узко, операционально. Я пробовал анализировать материал в теоретических рамках концепции сословной структуры российского общества С. Г. Кордонского [Кордонский, 2008a; 2008b; Kordonsky, 2016] или классовой концепции доходной стратификации [Scott, 1996; Радаев, Шкаратан, 1996; Шкаратан, 2012; Тихонова, 2018; Lambert, Griffiths, 2018]. В действительности оказалось, что эмпирически описываемая локальная низовая социальная структура не укладывается ни в схемы классовой, ни сословной стратификации, ни тем более частных схем. Знакомые всем представления социальной структуры как результата стратификации по доходам домохозяйств либо распределения граждан по рангам в государственной сословной системе не позволяют понять суть существующих отношений между людьми, семьями, социальными группами внутри локального сообщества. Кроме того, эти отношения и вся жизнедеятельность местного общества теснейшим образом связаны с локальной территориальной структурой. Одно без другого не существует, они взаимно определяют друг друга. Физическая проекция сообщества есть органическая часть социальной структуры (что уже давно является общим местом социологии [Simmel, 1950, p. 402–408; Park et al., 1984; Bourdieu, 1987; Маркин, Черныш, 2019]). Неразрывны три компонента социального поведения, обеспечивающие непрерывность существования локального сообщества: обитание (организация пространства), бытование (выстраивание системы отношений) и хозяйствование (система жизнеобеспечения). Структура каждого из них особенна и специфична, но каждая зависима от двух других. Таким образом, оказалось необходимым описывать не просто структуру отношений между людьми, но и систему жизнеобеспечения — практики хозяйственного и экономического поведения, которая оказывает существенное влияние на структуру отношений. Конечно, и сами хозяйственно-экономические практики оказались теснейшим образом связанными с территориальной структурой, поскольку жизнеобеспечение нашего провинциального населения находится преимущественно в неформальном и теневом сегменте экономики. Оно зависит от ресурсов, предоставляемых природой и создаваемых самими

людьми на собственных усадьбах. Поэтому провинциальная социальная структура описывается здесь мною как трёхкомпонентная система: территориальная структура, социально-экономическая структура (жизнеобеспечение) и структура отношений в системе базовых оппозиций, описывающих эти отношения (три оппозиционных пары: «свой — чужие», «активное население — пассивное население», «верхи — низы»). Таким образом, под общим названием «*социальная структура*» я разумею три компонента, различные по природе, но взаимосвязанные: территориальную, социально-экономическую и собственно социальную (родственно-соседскую и статусную) структуры. В этом отношении социальная структура провинциального локального общества довольно существенно отличается от обычно обсуждаемой структуры «большого общества», начиная от Г. Зиммеля и М. Вебера [Зиммель, 1909; Вебер, 1994] и заканчивая Ш. Эйзенштадтом [Эйзенштадт, 1999].

Представление социальной структуры как трёхкомпонентной имеет своим основанием две связанные авторские концепции. Первая концепция, которую я рассматриваю как вытекающую из вышеупомянутой концепции С. Г. Кордонского [Кордонский, 2008а, 2008b], заключается в предположении о существовании двух взаимодополнительных социальных структур: внешней, создаваемой государством *сословной* структуры, и внутренней структуры отношений, выстраиваемых на низовом уровне, в значительной степени структуры *общинной*. Оба структурных компонента не вполне совпадают друг с другом, между ними существуют «трения» и «зияния»². Государственная сословная структура стремится подчинить себе структуру общинную, но эта последняя всякий раз «ускользает из рук». Активности, направленные на воспроизводство сословной и общинной структур, являются источником локальной социальной самоор-

² В контексте представлений о природе общественной структуры, соответствующей с исторической типологией общества, «общинная» структура совпадает с сегментарной, соответствующей архаическому обществу, а «сословная» структура — со стратификационной, соответствующей традиционному обществу, и только отчасти — с функциональной структурой, соответствующей «модерновому» обществу (см.: [Луман, 2007]).

ганизации и способствуют развитию и существованию реального местного самоуправления, что есть свидетельство «социальной системности».

Вторая концепция, развиваемая в книге, заключается в утверждении, что низовая («общинная») социальная структура выстраивается на основе определённой совокупности базовых (инвариантных) отношений; наличие всех их без исключения является условием целостности локального сообщества. Таким образом, это есть система социальных отношений, детерминирующая и структуру сообщества.

Поскольку эмпирический материал очень разнообразен и со временем приобрёл характер этнографического, это заставило обобщать его³. Классический способ обобщения в нашем случае — типология. Предпринятые мною способы типологизации локальных сообществ показали достаточную эвристичность. Основными подходами явились типологии сообществ по длительности непрерывного существования, по характеру расположения в пространстве (изолированности от других сообществ), по степени внешнего воздействия на локальное социальное развитие (преимущественно со стороны государства). С помощью этих средств оказалось возможным расписать особенности всех трёх указанных структурных компонент в небольшое количество типических форм. Я выделил несколько типов локальных сообществ, которые в конечном счёте были сведены к шести, а затем к четырём базовым типам.

Благодаря двум обобщающим подходам: разложению на три структурных компонента и типологии сообществ по внешним основаниям, удалось свести пёструю картину провинциальной жизни к нескольким вполне ясным схемам. Их достоинством я считаю не только описательную исчерпываемость и лаконичность, но и прогностичность. Зная, к какому типу может быть отнесено любое местное сообщество — по длительности существования, по изолированности в пространстве, по влиянию

³ Я сознательно отказался от следования антропологическому описанию местного общества, оценив соответствующий опыт исследовательского коллектива под руководством В.А. Тишкова (см.: [Мы здесь живём: Социальная антропология малого российского города, 2013]).

ВВЕДЕНИЕ

государственных ресурсов на его развитие, мы имеем возможность не только определённо судить о структуре контролируемой территории, но и делать обоснованные предположения о характере и даже видах массовых хозяйственных практик населения, о структуре местной экономики, а также о составе населения, структуре «своих» и «чужих» в сообществе, а кроме того — об особенностях организации властных отношений и детерминантах статусных позиций отдельных людей. Конечно, я не льщу себя мыслью, что прогностическая ценность разработанной мною схемы абсолютна. Слишком велико разнообразие провинциальных обществ на великом пространстве России, чтобы покорно укладываться в прокрустово ложе социологических концепций. Тем не менее это оказывается ограничено возможным, и я считаю это одним из самых существенных моих результатов.

Мне представляется, что предсказательность схемы, выстроенной на анализе территориального, хозяйственно-экономического и собственно социального компонентов структуры, имеет и ещё одно немаловажное достоинство. Она позволяет оценить уровень самоорганизации и степень жизнестойкости локального общества, способность его противостоять разнообразным внешним разрушающим воздействиям, будь то источники природные, экономические или политические.

СТРУКТУРА КНИГИ

Книга содержит семь глав. Первые три главы составляют методологический и концептуальный каркас, на который «навешивается» вся эмпирия структуры локального общества. Концепция исследования, базирующаяся на трёх вышеуказанных гипотезах, представлена в главе 1. Глава 2 посвящена методологии качественного исследования, описанию методов наблюдения и интервью, составляющих основу всех моих эмпирических исследований. Вторая часть главы есть описание эмпирического материала, относящегося к почти трём сотням локальных

обществ, из которых я выбрал половину для более подробного анализа. Глава 3 есть спекуляция о нескольких типологиях, которые могут быть разработаны для обобщения эмпирических социологических описаний. В ней предложены и обоснованы три типологии, каждая из них на разных, независимых друг от друга основаниях.

Глава 4 посвящена территориальной структуре локального общества. Выделены и определены до десятка критериев, необходимо и достаточно описывающих территориальную структуру. Исчерпывающее описание территорий в рамках всех трёх типологий позволило дифференцировать территории разных типов обществ по совокупности выделенных критериев.

В главе 5 приведено обобщённое описание многообразных хозяйственно-экономических практик провинциального населения в локальном разрезе (на уровне поселений). Здесь я рассматриваю также формальную местную экономику, которая образует «тощую лужайку» сравнительно с «буйными зарослями» неформальной экономики. Невидимая государству, неконтролируемая, нерегулируемая и оттого не осязаемая экономистами, именно эта часть экономики и составляет основу провинциального жизнеобеспечения. Описываются как архаические виды экономик, представленные отходничеством (возвратной трудовой миграцией) и «рассеянными мануфактурами» в малых городах, так и многие современные виды экономических практик, представленные «гаражной экономикой» и многообразными домашними промыслами.

Глава 6 есть описание структуры родственных и соседских отношений в дихотомии «свой — чужие». Родство и соседство есть основа провинциальной социальной структуры. Любые отношения, будь то профессиональные или властные, «нанизаны» на родственно-соседские связи. Тем самым провинциальное общество радикально отличается от общества большого города. Структура родственно-соседских связей в провинции может рассматриваться как инвариантная, независимая от типа общества. Однако состав «своих» зависит от характера образования локальной общности: возникновение и последующее существование сообщества может идти по пути «агломерации», из раз-

ВВЕДЕНИЕ

народных частей, или по пути «слоистости», из последовательного по времени напластования новых частей. А вот состав «чужих» имеет только количественные различия, здесь я не обнаружил качественных типологических различий.

Глава 7 есть описание природы и отдельных компонентов персонального статуса провинциального обитателя, а вместе с тем и описание характера местной власти. В провинциальном обществе доминанты детерминации статуса отличаются от тех, что бытуют в обществах крупного города. Важнейшими факторами, которыми определяется здесь локальный социальный статус человека, являются (привожу в порядке значимости) персональное влияние, принадлежность к клану/семье, формальная властная позиция и располагаемый капитал (доход). Но в разных типах обществ определяющее значение имеют разные факторы. С этим связаны, как оказалось, и стили местного (муниципального) управления. Выделенные в прежних наших исследованиях характерные стили (или стратегии) управления соотносятся с факторами пространственной изоляции и зависимости от государственных ресурсов, т.е. с двумя из трёх типологических критериев.

Таким образом, последние четыре главы монографии являются обобщением моих продолжительных эмпирических наблюдений в разрезе территориальной структуры, организации социально-экономической жизни, родственно-соседских и статусных отношений провинциальных российских сообществ на 30–40-летнем рубеже XX–XXI веков.

Хотя мне хочется верить, что социальная структура наших провинциальных сообществ глубоко архаична и потому имеет вневременной характер и весьма устойчива к любым внешним угрозам, однако почти подсознательно грызёт меня мысль, что представленное здесь описание спустя совсем непродолжительное время станет неактуальным, перейдёт в разряд исторических анекдотов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я попытался, в меру сил, проанализировать многочисленные эмпирические наблюдения и представить обобщённую картину реальной структуры современного провинциального российского общества. Материалы собирались в течение почти четырёх десятилетий, описываемый в них феномен представляется мне неизменным все эти годы. Однако эта неизменность всё же преходяща. Подозреваю, что очень скоро наступят новые времена и от описываемой мною картины в реальной жизни будущего общества останутся только отдельные осколки из того, что составляет сейчас целостность. Однако я думаю, что и это есть вполне достаточная причина зафиксировать наличное состояние общества.

В заключение я намерен сделать краткий эскиз описанного выше, в третий раз повторяя основные результаты исследования.

КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Провинциальное российское общество рассматривается мною исключительно на локальном уровне, поскольку считаю, что только это и образует наблюдаемую реальность. Местное провинциальное общество, составленное из общин, члены которых сами не определяют себя таковыми, поскольку не осознают этого, обладает структурой, вырастающей снизу, из самых глубин общественной жизни. Своя собственная, природная структура тонка и едва заметна. Она слаба и легко рвётся. Поэтому для внешнего мира у местного общества существует специальный защитный доспех, причём двойной. Это надеваемая сверху государством на самое тело сообщества своего рода «кольчуга» сословной структуры, государством определяемой и им же лелеемой. Сословная «кольчуга» груба, она ранит и деформиру-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ет нежную ткань низовой структуры сообщества. Поверх «кольчуги» надета «кираса» государственного административно-территориального каркаса, фиксирующего пространственную определённую общественную жизнь. Государственный доспех утверждает форму общественному телу. Не совсем понятно, какому образу соответствует эта метафора: то ли рака-отшельника в чужой раковине, то ли узника на тюремной цепи. Но она всё же образно фиксирует особенность организации нашей провинциальной российской жизни: двойная структура — мягкая общинная и жёсткая сословная — образует феномен, органичность которого постоянно подвергается сомнению поколениями наблюдателей-социологов.

Поскольку меня интересуют прежде всего самые низы общественной жизни, я попытался описать мягкое общинное тело, вытасченное из государственного панциря. Вытаскивать пришлось долго и со многими трудностями. Но неторопливость разглядывания позволила усмотреть несколько сторон провинциальной жизни. Первая сторона есть физическая проекция сообщества в пространстве; была сделана попытка описать территориальную структуру. Вторая сторона есть проекция пространства (в ограниченной форме ресурсов жизнеобеспечения) в живое тело повседневной общественной жизни; была сделана попытка описать хозяйственно-экономическую структуру. Третья сторона есть совокупность непосредственных устойчивых отношений между людьми в границах их обитания и хозяйствования; была сделана попытка описать низовую социальную структуру в совокупности соседских, родственных и статусных связей. При этом я намеренно избегал представить такую структуру как линейную, как иерархию или как доходную стратификацию домохозяйств.

Но поскольку «мягкость» ухватить весьма непросто, моё описание было разложено на три компонента с тем предположением, что именно они и образуют три основные оси скелета, всё же прощупываемого под мягкой общинной оболочкой. Важнейшая по значимости есть ось родственно-соседских связей, базирующаяся на родстве многих поколений ныне живущих совместно людей, на их территориальной консервативности,

на мизерной миграционной активности, на постоянстве межперсональных связей. Эта структура образует ту почву, на которой вырастает повседневность жизни. Повседневность есть обитание, бытование и хозяйствование родственников и соседей в границах контролируемой территории. Эта же повседневность детерминирует вторую ось — взаимозависимых кооперативных отношений домохозяйств, выстраиваемых на основе как альтруистического (дар и помощь), так и взаимовыгодного обменного поведения. Вследствие этих отношений создаётся система локальных хозяйственно-экономических практик и дифференциация людей по оси экономической активности, полюсами которой выступают пассивное, «рентное» и активное, самозанятое население. Третья ось есть отношения взаимозависимых позиций людей — их локальных персональных статусов, распределяющих своих носителей на «верхи» и «низы». Статус зависит от нескольких, а именно четырёх основных, факторов: личного влияния, принадлежности к клану, располагаемой власти и контролируемого капитала. Используя три указанные оси для описания: (1) свои — чужие, (2) пассивные — активные, (3) верхи — низы, я попытался с их помощью зафиксировать низовую социальную структуру.

В результате эмпирический анализ позволил разглядеть сложность социальной структуры провинциального общества, её многокомпонентность и даже иерархичность. На верхнем уровне имеет место взаимодополнительность низовой социальной и сословной структур, имеющих как разрывы, так и точки проникновения друг в друга. Но поскольку природа их различна, они не конгруэнтны, но соподчинены. На нижнем (низовом) уровне сама общинная социальная структура подразделяется на три компонента. Но в данном случае имеет место конгруэнтность, более того, все три компонента имеют один источник, и они взаимозависимы. При этом низовая социальная структура выглядит *двудольной*. Одну из долей представляет территориальная структура, организующая сообщества в пространстве, а две других — экономическая структура и собственно социальная структура. Их функциональное значение разное, как было показано.

ОСНОВАНИЯ ТИПОЛОГИИ МЕСТНЫХ ОБЩЕСТВ

Помимо этого, оказалось необходимым осуществить классификацию местных обществ по внешним для них основаниям. Я выбрал три основания, из которых наибольшую эвристичность продемонстрировали два: (1) степень пространственной изоляции сообществ и (2) особенности формирования и развития их в зависимости от степени воздействия со стороны государства. Третье основание, длительность существования местного общества, оказалось ограниченно полезным, второстепенным. Результатами обобщения явились типологии сообществ. В максимально возможном наборе из восемнадцати типов местных обществ показана реальность шести типов (остальные двенадцать есть возможные типы, но не реализуемые). Эти последние оказалось возможным свести всего к четырём типам. Из этих четырёх окончательных типов два типа полярны по базовым признакам: (1) пространственно изолированные древние и старые общества, развивавшиеся естественно, без значительного вмешательства со стороны государства; (2) «турбулентные» общества, расположенные на транспортных магистралях и имеющие хорошо развитую инфраструктуру, как правило, молодые по длительности существования, образованные и развивающиеся при значительном принудительном политическом или экономическом воздействии со стороны государства. Два других типа занимают промежуточное положение и дифференцируются по разным основаниям: (3) турбулентные и неизолированные («ординарные») древние и старые общества естественного развития; (4) изолированные и неизолированные («ординарные») старые и молодые общества принудительного развития. Эти промежуточные типы сближаются с двумя полярными типами крест-накрест по своим основаниям: турбулентность сочетается с изолированностью и древностью, а изолированность — с принудительностью развития и молодостью сообщества. Разработанная типология оказалась полезна для систематизации разнообразного эмпирического материала, относящегося как до территориальной, так и социальной структуры, объясняющая особенности локальной экономики и неформальных экономических практик населения.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Наибольшее дифференцирующее значение созданная типология имеет для анализа территориальной структуры. Выразительные различия в территориальной структуре наблюдаются между двумя полярными типами — древними и старыми изолированными обществами естественного развития, с одной стороны, и молодыми турбулентными обществами принудительного развития, с другой стороны. В первом случае административный центр вторичен, он формируется из сельской округи, выделяясь первоначально в качестве религиозного либо экономического, а в дальнейшем наделяется и государственными военно-административными функциями. Сельская округа первична, развивается спонтанно, не ограничена ужимающим воздействием соседей. Сельская округа формируется в виде «кустов» из нескольких поселений. Поселения (деревни) невелики по числу жителей, но многочисленны и располагаются по всей территории. Градиент плотности от центра к окраинам невелик. Территория велика, размеры её определяются необходимостью контролировать природные ресурсы для повседневного жизнеобеспечения. Население способно жить автономно за счёт собственных добываемых природных ресурсов. Границы определяются природными барьерами и традицией, контролируются местными жителями; они стабильны в течение длительного времени, не всегда совпадают с административными границами.

В случае второго типа, полярного первому, его территориальная структура по многим признакам тоже полярна. Центр первичен, а сельская округа вторична, она формируется как «выселки» от центра на периферию. В силу этого сельская округа стягивается к центру, поэтому окраины территории не заселены. Число жителей в поселениях сельской округи большое, количество самих поселений мало, это обычно рабочие посёлки, а не деревни. Всё общество концентрируется вокруг центра. В известные периоды жизни центр стягивает на себя население сельской округи, а сама округа начинает запустевать. Градиент плотности от центра к периферии значительный. Само центральное поселение создаётся не естественным путём, а вблизи

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

от источника ресурсов, не имеющих непосредственного жизненного значения для общества. Селитебная структура как центрального поселения, так и поселений округа сформированы как бы «одномоментно», не вырастали медленно и естественным путём. Освоенная и обитаемая территория почти всегда значительно меньше административных границ, не соответствует площади необходимых для жизни природных ресурсов. Сами ресурсы, как правило, не осваиваются населением. Границы не охраняются и не поддерживаются; население в своём жизнеобеспечении зависит от внешних источников, прежде всего от государства.

Территориальная структура третьего, «сборного» типа обществ, развивающихся естественно, но не являющихся изолированными, характеризуется хорошо развитой транспортной, энергетической и коммунальной инфраструктурой. Территория невелика по площади, границы контролируются населением. Большое количество поселений-деревень с невысокой численностью жителей в них покрывают всю территорию равномерно. Центры обществ сложились естественно, это древние и старые города.

Территориальная структура четвёртого, «сборного» типа молодых обществ, созданных принудительно, характеризуется умеренно развитой или недостаточной транспортной инфраструктурой. Размеры территории значительные, но не контролируемые населением. Малое число поселений сельской округи, с большим количеством жителей в них. Поселения концентрируются вокруг центра, градиент плотности от центра к периферии велик. Значительная часть местной популяции сконцентрирована вдоль транспортных магистралей.

На протяжении всего текста я обращаю специальное внимание на высокую консервативность территориальной структуры провинциальных сообществ: она остаётся неизменной очень долгое время, и община всеми силами и средствами стремится поддерживать эту неизменность. Вероятно, это есть наименее изменчивый компонент социальной структуры. Это есть в некотором смысле *костяк*, который остаётся «нетленным», переживая «*тела своих хозяев*» — локальные сообщества — сменяющих на

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

нём друг друга на протяжении столетий. «Территориальный костяк» переживает даже и сословные формы, различные в разные периоды политической жизни страны. Более того, сама упомянутая выше «кираса» государственной административно-территориальной структуры в значительной степени выросла на этом самом древнем *костяке*, по сути, пространственном инварианте социальной жизни.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Напротив, экономическая структура, по моему эмпирически обоснованному убеждению, есть как раз наиболее вариативный, лабильный компонент низовой социальной структуры, поскольку именно она и есть средоточие адаптивного потенциала сообщества. Самая первая, срочная реакция общины на любые изменения внешних условий её существования есть трансформация экономических практик как форм приспособительного поведения, ответственного за непрерывное поддержание жизнеобеспечения популяции. Именно здесь, в экономической структуре, мы наблюдаем многообразие переходов от одной стратегии к другой, едва только сколь-нибудь существенно меняются внешние условия. Смена стратегии массы домохозяйств есть смена *хозяйственного уклада*, который или которые характеризуют адаптивную способность общества, его потенциал. В этом отношении вариативная, лабильная экономическая структура оппозиционна «территориальному костяку», является его противоположностью, хотя в то же самое время экономическая структура выстраивается непосредственно на территориальной структуре.

Провинциальная экономика представлена двумя разными по природе и источникам, но глубоко взаимопроникающими формами. Первая, или формальная, экономика по масштабам и значению не является ведущей для жизнеобеспечения людей. Это место занимает «вторая экономика» — находящиеся вне формального государственного регулирования хозяйственно-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

экономические практики домохозяйств. Это есть широкое поле неформальной экономики, во всём своём масштабе локально легитимное, но далеко не легальное. Значительную часть её составляет теневая и криминальная экономическая активность. Провинциальная экономика имеет выразительные особенности в обеих своих частях.

Наиболее примечательной и наиболее важной особенностью формальной экономики в российской провинции является её однотипность. Она везде одинакова. Одинакова прежде всего потому, что её основу составляет «бюджетная» сфера. «Бюджетники» составляют от $\frac{2}{5}$ до $\frac{3}{5}$ и более всего занятого в местной экономике трудоспособного населения. На «бюджетном» фоне выглядят существенно менее развитыми остальные составляющие местной экономики — сферы материального производства и услуг. Формальная экономика провинции создаёт однородный фон, оттенки которого едва различимы от территории к территории и от региона к региону.

На этом фоне расцветает буйное многоцветье «серых» неформальных экономических практик. Подспудно, не на свету, а в «тени» бурлит экономическая активность населения. В неё погружены каждое домохозяйство и каждый человек, от мала до велика — и старики, и взрослые, и дети. Поэтому если говорить о провинциальной экономике, то нужно говорить прежде и в основном о неформальной экономической активности домохозяйств. Это есть по преимуществу экономика архаических промыслов. Мы определяем «промыслы» как самостоятельную хозяйственно-экономическую активность домохозяйства, использующую собственные средства и технологии и направленную на жизнеобеспечение семьи и на достижение иных, как правило социальных, целей. В качестве хозяйственной практики промысловая деятельность не предполагает ни предпринимательства, ни бизнеса в их первичном значении. В качестве экономической практики промысел направлен на извлечение дополнительного дохода. Промысел в значительной степени относится к неформальной экономике, т.е. не регулируется государством, не облагается налогом и не учитывается официальной статистикой. Масштабы промысловой активности в про-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

винции велики: от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ и более всего трудоспособного населения в провинции занято не в местной экономике, а обеспечивает себя за счёт промыслов разного вида. Если же учесть всё взрослое население, включая пенсионеров, то выйдет $\geq \frac{1}{3}$. Однако и практически всё население, занятое в местной экономике (формальной), также промышленяет.

Доходы от промыслов соответствуют как минимум уровню официальных доходов («второй доход»), но чаще оказываются выше в разы и десятки раз. В случае криминальных промыслов, распространённых на некоторых территориях, неформальные доходы несопоставимо выше. Однако структура и динамика бюджета домохозяйств, занятых промысловой активностью, разительно отличается от бюджета средней городской семьи, основу которой составляют официальные источники.

Промысловые практики многообразны. Зафиксировано более 130 отдельных видов и групп промыслов. Осуществлена феноменологическая классификация промыслов на основе нескольких критериев. Основные критерии: (1) место осуществления деятельности, (2) ресурсы разного рода и (3) традиционность промысловой практики. Характер промысловой активности и его тип связаны с селитебной структурой провинции и детерминированы локальным рынком труда. Виды промысловой активности зависят от двух основных факторов: (1) пространственной изоляции сообщества и (2) наличия экономической поддержки со стороны государства. Таким образом, виды промыслов прямо детерминированы типом местного общества.

Каждое местное общество практикует множество видов промыслов (от нескольких десятков и до сотни). Каждое домохозяйство практикует обычно несколько (до десятка) видов промыслов. В силу разной доступности ресурсов, различной трудоёмкости и доходности промыслов домохозяйства стремятся специализироваться в отдельных видах промыслов. Специализация может захватывать многие домохозяйства и целые поселения (общины). Однако такая специализация угрожает экономической устойчивости домохозяйств и целых сообществ и, как следствие, вызывает рост скрытой социальной напряжённости и социального неблагополучия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тенденция к специализации приводит к феномену «гомологических рядов» промысловых практик: в случае сходства основных видов доступных населению ресурсов в разных регионах страны местные сообщества на разных, удалённых территориях демонстрируют одинаковые «наборы» промыслов. Такие промысловые гомологии обнаружены как на юге страны (промыслы на людях и инфраструктуре), так и на севере (промыслы на природных ресурсах и на государстве). Наряду с гомологичностью хозяйственно-экономических практик, специализация приводит и к феномену «множественной стеноитности»: отдельные поселения в местном обществе специализируются в немногих видах промыслов, но разные поселения имеют разные специализации, в результате в границах всего местного общества имеет место разнообразие промысловых практик. Предполагаю, что наличие столь явных «экологических аналогий» в системах жизнеобеспечения местных обществ свидетельствует о глубинных факторах, выступающих естественной подосновой провинциальной общественной жизни.

Адаптивный потенциал провинциальных сообществ, выраженный в неформальных хозяйственных практиках домохозяйств, колоссален. Именно в этой сфере жизнедеятельности местные общества демонстрируют «переход» к новым экономическим практикам, а вслед за этим — к новым социальным и, возможно, зачаткам политических форм организации жизни. Одновременно сообщества показывают возврат к давно «забытым» архаическим практикам, демонстрируя существование глубинной «социальной памяти». Но все такие формы экономических практик есть прежде всего формы самоорганизации, в рамках которых вызревают и механизмы самоуправления. Самоорганизация и самоуправление на местном уровне выстраиваются на основе самообеспечения. Именно поэтому я и говорю о феномене «жизни вне государства», присущем не только нашей отдалённой провинции, но и тем местным обществам, что примыкают к большим городским агломерациям. Благодаря самообеспечению и самодеятельности населения, массовой способности его «жить вдали от государства», к самостоятельности способны переходить и отдельные общины,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

и местные общества. Пресс государства стремится выдавить «вирус самостийности» из местной почвы во всех мельчайших его проявлениях. Но, как мы видели в 1990-е годы — времена прострации государства, этот «вирус» тотчас прорывается наружу и начинает давать не только здоровые ростки, но и самые уродливые формы. Такова природа экономического компонента социальной структуры.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Между «каркасным» и адаптивным компонентами — территорией и неформальными практиками жизнеобеспечения — балансирует третий компонент структуры, который за неимением лучшего я назвал «собственно социальной структурой». Это все те институциональные элементы, вытекающие из «тённисовской тетрады» отношений: соседско-родственных и взаимозависимых связей, объединённых духом *Kürwille*. Это тот компонент структуры, который отчётливо виден и самим её носителям, он эксплицирован в сознании простых людей в отличие от двух других. И он же связан наибольшим числом связей с «*государевой кольчугой*» сословной структуры. «Собственно социальная структура» находится под постоянным давлением со стороны сословной структуры и потому упруга, но поддаётся изменениям. Трансформации эти не всегда имеют определённую направленность и с трудом фиксируются; между тем «упругость» по видимости преобладает над «трансформизмом».

Обитание (территория) и хозяйствование (промыслы) есть основа бытования. Бытование есть повседневность в системе родственных и соседских связей и поведение в соответствии с той позицией, которая приобретена, освоена и утверждена человеком в его сообществе — соответственно его локальному социальному статусу. В провинциальном обществе почти все свои, здесь нет *чужих-как-своих*. Все чужие на виду, они «проходят мимо», не слишком влияя и не деформируя давно сложившуюся структуру отношений. Но соотношение между «своими»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

и «чужими» оказывается зависимым от типа сообщества. Сама структура и состав «своих» показывают такую зависимость. В разных типах обществ по-разному устанавливаются и развиваются отношения «свойства».

Формирование родственно-соседской структуры идёт двумя путями: путём разнородности насельников (механизм агломерации) и путём разновременности вселения на территорию (механизм слоистости). Агломерированность — разнородность состава населения по происхождению, из разных территорий и регионов, из разных родов или этносов. Наличие «агломератов» в составе общества есть признак вселения на его территорию разнородных групп населения почти одновременно, независимо от причин вселения — по принуждению государства или своевольно. Агломерации характерны для молодых сообществ, созданных принудительно, а также для «турбулентных», где велика доля мигрантов и их диаспор. «Слоистость» — наличие более ранних и более поздних по времени вселения на территорию групп населения, имеющих разное происхождение. «Слоистость» образуют разные этнические, конфессиональные, социальные или профессиональные группы. «Слоистость» выявляется в старых и древних обществах, обществах естественного развития. Совсем немногие современные сообщества создавались и существуют как разросшаяся единственная община, без участия мигрантов и без вселения компактных групп чужих, за два-три поколения становящихся своими.

Основой «свойства» в изолированных обществах выступают родственные и этнические связи. Здесь сохранён, хотя и подспудно, древний этнический субстрат. Напротив, в неизолированных обществах особенности состава и структуры «своих» заключаются преимущественно в «слоистой», а не в агломерированной структуре. Отдельные компоненты-агломераты давно смешались, сгладились и растворились друг в друге. За счёт разрушения родственных связей структура «своих» атомизирована и гомогенна: в обществе нет крупных родственных групп, как и немного обособленных этнических групп, а когда они есть, то имеет место взаимное смешение. Особенно явно это в «турбулентных» сообществах, где миграционное

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

давление велико и в течение длительного времени способствует адаптации и ассимиляции иноэтничных мигрантов. В таких обществах в составе популяции наблюдается редукция сельской округи и гипертрофия административного центра. Как следствие, родственно-соседские связи нарушены и деградировали не только в центре, но и в сельской округе.

Состав и структура «чужих» отличны в «турбулентных» и «ординарных» типах обществ от таковых в изолированных. Здесь наблюдается значительно бóльшая численность мигрантов и, соответственно, высока доля «проточных», случайных людей. Важно, что в этих типах сообществ «чужие» массово присутствуют и в поселениях сельской округи, а не только в административном центре. Имеет место слабая этническая и конфессиональная фильтрация, поэтому не только в городе, но и в сельской округе много мигрантов разных национальностей и людей, чуждых местным жителям по своему менталитету. При этом состав «чужих» во всех типах обществ одинаков. Он представлен отдельными семьями и группами, имеющих от местных жителей отличия социального, профессионального, этнического и конфессионального или мировоззренческого характера.

Локальный социальный статус человека в местном обществе определяется факторами социальными, этногенетическими, политическими и экономическими. Статус, таким образом, зависит прежде всего от влиятельности человека — степени его общественного уважения, определяемого нравственными качествами, моральным поведением и профессиональными компетенциями (лишь косвенно связанными с уровнем образования). Второй важнейший детерминант статуса есть принадлежность его к клану (родственной и/или этнической группе). Другими основными, но менее важными факторами выступают место в формальной властной иерархии и денежный доход (располагаемый капитал). Такая иерархия факторов, определяющих статусные позиции, обусловлена тем, что детерминанты статуса в локальном обществе не анонимны, в отличие от общества большого города. Социальная структура не иерархична, но является гетерархической.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имеется определённая связь тех или иных факторов, детерминирующих статусные позиции, с типом общества. В разных типах обществ значение указанных факторов различно. В древних и старых изолированных обществах естественного развития социальные позиции индивидов во многом определяются факторами влияния и клановой принадлежности, а фактор располагаемого дохода практически не играет роли.

То же характерно для древних и старых «ординарных» обществ естественного развития. В этом отношении они совпадают с вышеуказанным типом.

Напротив, в изолированных обществах принудительного развития факторы, определяющие социальный статус человека есть преимущественно клановая принадлежность и формальная власть. В обществах «ординарных» принудительного развития персональные статусы больше детерминированы факторами клана, формальной власти, частично капитала.

Во всех «турбулентных» обществах социальный статус человека детерминирован как социально-профессиональным фактором (влияние), так и формальными позициями во власти и капиталом. Фактор клановой принадлежности имеет здесь небольшое значение. Фактор капитала, наоборот, здесь проявляется сильнее, чем во всех других типах обществ.

В целом формальная власть и капитал имеют сравнительно большое значение в обществах «турбулентных» и принудительного развития, а клановая принадлежность — в древних и старых изолированных обществах естественного развития. Вероятные причины различий в детерминации статусов заключаются, во-первых, в способности к самостоятельному жизнеобеспечению, во-вторых, в зависимости от ресурсного государственного обеспечения и, в-третьих, от степени рутинного контроля местной власти со стороны государства.

Характер политической организации жизни сообщества зависит от того, какими факторами детерминирован индивидуальный статус. Выявленные четыре вида стилей местного управления в системе власти показывают связь с доминирующими в сообществе факторами статусной детерминации и типом сообщества. Установление того или другого стиля управле-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ния сочетается с типом общества, поскольку это может определять разное участие факторов стратификации в занятии руководящих позиций в местном управлении.

В древних и старых изолированных обществах естественного развития предпочтительно реализуются две управленческие стратегии: реальное местное самоуправление и муниципалитеты-«поместья». Первая стратегия присуща небольшим по численности обществам с малым количеством общин; обычно такой тип управления демонстрируют не все, а только некоторые общины в составе общества. Вторая стратегия, «поместья», более свойственна территориально обширным обществам с изобилием природных ресурсов.

В таких же изолированных, а также в «ординарных», но обществах с принудительным развитием чаще имеют место две другие стратегии управления: муниципалитеты «советского» типа и «политизированное» управление. Это характерно для молодых обществ, где ещё сильны властные позиции «назначенцев» из хозяйственной сферы, сохранивших стиль «командного управления» и приверженность государственной иерархии.

Таким образом, по управленческим стратегиям эти типы обществ разбиваются на пары по характеру своего развития: общества естественного развития реализуют чаще стратегии «реального местного самоуправления» и «поместья», а общества принудительного развития — «советскую» и «политизированную».

Напротив, во всех «турбулентных» обществах трудно выделить какой-то определённый из указанных типов. Чаще других может реализоваться «политизированная» стратегия управления, а все остальные стратегии реализуются редко. Стратегия реального местного самоуправления здесь не обнаружена вовсе.

Как видно из сказанного, все три компонента социальной структуры — отношения «свой — чужие», «активные — рентные», «верхи — низы» — взаимосвязаны, и каждый друг с другом. Они связаны и с экономической структурой, и с территориальной структурой общества. Вместе все виды структур составляют ту целостность, которую на низовом уровне мы называем «общиной» в тённисовском смысле, на более высоком — местным обществом, в действительности являющимся конгломератом об-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

щин. Общины сохраняют свою архаическую природу, и именно поэтому они невидимы в масштабе большого города и большого общества. В силу невидимого присутствия архаических элементов в социальной структуре провинциальные общества сохраняют свою жизнестойкость во всяких условиях.

Соотнося функциональное значение каждого из трёх социальных структурных компонентов, я нахожу им следующий метафорический анатомо-эволюционный образ. Территориальная структура образует *скелет* «социального тела». Структура соседско-родственных и статусных отношений — *нутро*. А экономическая структура — это мышечный корсет и кожа, то, что взаимодействует с внешней средой и прежде всего реагирует на её изменения. *Нутро* же (собственно социальная структура), обеспечивая жизнедеятельность сообщества через выстраивание системы отношений, реагирует на внешние изменения чаще болезненно, поскольку всё привходящее скорее вредно, чем полезно для поддержания существования сообщества в неизменности. Напротив, *мышцы* и *кожа* есть орудия адаптации: подкачивая те или другие *мышцы* — переходя от одного хозяйственного уклада к другому, регенерируя *кожу* — заживляя полученные экономические раны, местное общество всеми силами стремится сохранить в неизменности своё *нутро* и свой *костяк* как условие общественного здоровья. Потому в первую очередь именно здесь в экономическом поведении людей российское провинциальное общество демонстрирует транзитивность — *переход* к новым условиям социальной жизни, вызванным новым политическим статусом. Все другие составляющие жизни провинциального общества с завидным упорством сохраняют вековую инерционность и ничуть не проявляют адаптивных тенденций, несмотря на более чем тридцатилетний период новой жизни страны.